

Animedia

ПОЛ ХАГЕН

КРЫСИНЫЙ ПРИНЦ

Том 1

из серии «Агент Август»

Психологический триллер

Прага
Animedia Company
2019

УДК 82-312.4

ББК 84(4)

X13

Хаген, П.

X13 Агент Август : Том 1. Крысиный принц : [психологический триллер] / Пол Хаген — Прага : Animedia Company, 2019. — 294 с. — (Возрастное ограничение 18+)

ISBN 978-80-7499-336-7

Европейская цивилизация двадцать первого века слишком гуманна, чтобы противостоять злу... Маньяки и серийные убийцы плюют на слабые законы, мягкое наказание и рады запрету на смертную казнь. В противовес безвольной политике, тайные влиятельные силы в Европе на рубеже тысячелетий создают секретный отряд умных и безжалостных следователей-убийц, натасканных на поиск и уничтожение озверевших преступников. Сотрудник лондонского филиала агент Август ведёт охоту на самого свирепого и коварного психопата современной Великобритании. Множится число изувеченных трупов, а способы убийств превосходят мрачные традиции средневековой инквизиции... Око за око, смерть за смерть! Кто выживет в этой схватке?

BIC FH

BISAC FIC031080

ISBN 978-80-7499-336-7

© Paul Hagen, 2019

© Animedia Company, 2019

— Отдайте им Джулию! Отдайте им Джулию! Не меня! Джулию! Мне всё равно, что вы с ней сделаете. Разорвите ей лицо, обгрызите до костей. Не меня! Джулию! Не меня!

Дж. Оруэлл. 1984

1

**9 ноября 2013 года, суббота, 22:00.
Окрестности Лондона**

Бум! Бум! Бум! Глухим бубном шамана в затылок стучит боль. Ядовитыми кляксами в глазах пульсируют и расплываются огненно-зелёные пятна. К горлу подкатывает колючая предательская тошнота. Невыносимо тянет блевать, но рот намертво склеен прочным скотчем. Остаётся мучиться и глотать комок жгучей рвотной массы пополам с кислотной слюной.

Очередная попытка приоткрыть глаза. Тусклый свет лампочки раскалённой иглой вонзается в мозг. Человек мычит и жмурится. Усилием воли медленно приподнимает дрожащие веки и пытается разглядеть, где находится. Глаза застилает серая пелена слёз, в голове гудит монотонный рой назойливых мух. Каждый вдох сопровождается хрипами.

Думать трудно, мысли туто ворочаются тяжёлыми мельничными жерновами. Заезженной пластинкой терзает мысль: «Гэвин, Гэвин, во что ты снова вляпался? Кому перебежал дорогу? Идиот!»

Крупный рыхлый шатен, пятидесяти двух лет от роду, комично озирается и нелепо трясёт большой головой. Так фарфоровый китайский болванчик жалуется на скучную жизнь в тесной нафталиновой комнатке престарелой девы. Жидкие волосы окрашены в бодрый молодой тёмно-каштановый цвет, но кого обманешь пакетиком краски... Мешки под глазами, дряблая кожа и паутинки мелких морщин легко выдадут возраст.

Страх сверлит черепную коробку. Где-то рядом, в непроглядной пугающей тьме, ещё порхает, машет хрупкими крылышками последняя надежда. Может, привиделось? Происходит не с ним, а с кем-то другим? Или это — кино, где ты зритель, а не участник событий?

О, лучше бы это был фильм... В мягком кресле уютного зала легко и приятно переживать за картонных героев, сочувствовать им. Кулаки доверчивого зрителя невольно сжимаются, пока на экране кровожадные злодеи измываются над невинными жертвами. Ты кипишь от праведного гнева, уклоняешься от свистящих пуль, тяжёлых мечей и летящих стрел, вжимаешься в грязь при разрывах бомб.

На время сеанса открывается дверь в удивительный магический мир. Тебя бросают в клетку с тиграми, сажают на кол или в тюрьму к отпетым уголовникам, избивают, насилуют, пытаются, топят в болоте, расстреливают и сжигают на костре.

Если у режиссёра есть хоть немного таланта и искры божьей, то, пока не пойдут титры, ты там — по ту сторону волшебного белого зеркала. Но у зрителя всегда есть спасительная нить Ариадны — твёрдая железобетонная вера, высшее знание, что фильм, даже самый жуткий, обязательно закончится. Сейчас больно и страшно, но экран скоро погаснет. Включат свет, уборщики отправятся убирать рассыпанный попкорн и пустые стаканчики. Магия исчезнет, мираж испарится. Кто-то невидимый по-дружески, с улыбкой, похлопает тебя, растерянного, по плечу и выпустит из прохладного зала к мелким повседневным делам и заботам.

Вот и Гэвину кажется, что сейчас страх улетучится, как странный случайный сон. Так после кошмарных видений просыпаешься в холодном поту. В первую секунду пробуждения каждой клеточкой истово веришь, что спасения нет — клыкастые чудища загнали в угол и вот-вот растерзают в кровавые клочья

беспомощное слабое тельце... А потом приходишь в себя и понимаешь, что видел сон... Иллюзию! Зыбкий мираж! Хаотичную игру нейронов, глупые импульсы дремлющего мозга, не более! И страх улетучивается... Становится легко и радостно, словно уцелел в страшной катастрофе — сбежал, спрятался, прикрылся железным щитом.

Комната погружена во мрак. Путеводной звездой служит пыльный настенный фонарь в паутине. Толстое матовое стекло в защитной металлической сетке с трудом пропускает мерцающий свет. Такие раньше вешали в шахтах и бомбоубежищах.

Нет окон. Тёмные каменные стены без следов штукатурки, белёсый известковый раствор между кирпичами, липкая сырость и могильный холод наводят на мысль о подземелье, подвале или старом заброшенном заводе. В воздухе витает едва уловимая смесь запахов плесени, ветхости и ладана.

Мысль о подземелье пугает Гэвина. С высоты прожитых лет легко догадаться, что это может значить... Если очнулся в подвале после сильнейшего удара по затылку — не жди ничего хорошего. Заклеенный рот тоже не добавляет оптимизма. К тому же, надо признаться, Гэвин — трус, хоть и тщательно прячет страх за неуместной суровостью внешнего вида, напускной бравадой и нарочитой грубостью. В обычной жизни удаётся водить окружающих за нос, многие даже боятся его, а здесь? Как себя вести? Знать бы...

Пугливо поёжившись, бедолага пытается приподняться. Встать не получается — ноги крепко замотаны скотчем, руки заведены за спину. Судя по ощущениям — закованы в наручники. «Всё оказывается даже хуже, чем я предполагал... Нет, не может быть — это какая-то дурацкая ошибка!» Гэвин рвётся вперед, делая попытку освободиться. Напрасный труд! От усилий тело лишь разворачивается вокруг оси и немного перемещается вперёд в тёмном пространстве. Под ногами шуршит.

Ах вот оно что! Никакой мистики! Привязан к спинке стула на колёсиках! Легионы неудачников протирают задницами синтетические сиденья таких пластиковых уродцев, изнывая от жары в душных офисах. Отсутствие амбиций и воли вынуждает имитировать кипучую деятельность и терпеть причуды ненавистного начальства.

Но что это? Развернувшись на стуле, Гэвин оказывается лицом к небольшому низкому предмету, стоящему чуть поодаль. От удара по голове ясность зрения потеряна, рассмотреть детали не удаётся. Пленник делает усилие и несколько раз сильно зажмуривается до вспышек в зрачках. По щекам текут слёзы, череп невыносимо трещит от боли.

Теперь нужно широко открыть глаза и сфокусироваться. Подобное упражнение даётся с трудом. Лиловые всполохи кружатся во мраке медленным танцем, мешают сосредоточить взгляд. Выпученные белки глаз делают связанного мужчину похожим на большую туповатую сову.

«Ничего, сейчас пройдёт... Наладится...» Пятна наконец рассеялись, расплывчатые края дрожащего контура слились в чёткую линию. Резкость восстановилась. В слабом свете фонаря Гэвин разглядел то, от чего его сердце сжалось до размера лесного ореха и провалилось на дно мрачного ледяного колодца.

Небольшой медицинский столик на четырёх трубчатых ножках с колёсиками пугает обыденностью. На тонкой металлической поверхности аккуратно разложены сверкающие хирургические инструменты из нержавеющей стали. Даже в обычной обстановке один лишь вид такого докторского набора способен вызвать оторопь у простого человека. Что уж говорить о душевных страданиях связанного и избитого Гэвина...

Инструменты лежат в образцовом армейском порядке. На столике равнодушно отсвечивают серым металлом ампутационные ножи, острейшие пилы, ножницы, зажимы для остановки крови, пинцеты разного размера, костные кусачки, коловорот, жутковатого вида изогнутые крючки, иглы, металлическое зеркальце. Дополняют сатанинский комплект белоснежная вата, бинты, широкий моток пластыря и стеклянные пузырьки с разноцветными жидкостями.

Гэвина трясёт как лист на ветру. «Что за бред! Как такое может происходить? Здесь снимают фильм ужасов? Зачем эти дикие инструменты? Для меня?! Или я в больнице? Нет! Какая, к чёрту, больница — я в наручниках! Тогда что это за место? И есть в пещере хоть кто живой? Где полиция, вашу мать?!»

Мысли скачут в голове, как испуганные блохи. Сердце колотит так яростно, что вот-вот пробьёт грудную клетку. «Но как же

страшно, господи! И почему так холодно? Не хочу видеть эти жуткие приборы — они не имеют ко мне никакого отношения! Уберите, спрячьте, поломайте! Дайте свет, скоты! Развяжите руки, ублюдки! Полиция! Кто-нибудь!»

К худу или к добру, но мольбы услышаны... Раздаётся щелчок, и пленник вздрагивает от неожиданности. Сверху на Гэвина льётся мягкий приглушённый свет. Правда, углы комнаты остаются в тени и даже ещё сильнее погружаются во мрак.

Изменение в обстановке не приносит облегчения. Связанный страдалец ещё не успел отойти от вида инструментов, предназначенных, чтобы кромсать и уродовать человеческое тело, как новое испытание обрушилось на него. Смертельное шоу продолжается, фантасмагория достигает пика, а безумный постановщик пугающего спектакля явно страдает пристрастием к пошлым кинематографическим штампам: над Гэвином, в чёрном одеянии до пят, нависает мрачный силуэт средневекового палача.

Чёрная шёлковая маска-капюшон с прорезями для глаз большими складками опускается на грудь. Длинные широкие рукава целиком скрывают руки, вместо пояса — простая пеньковая верёвка. Если бы не страшная маска, человека можно принять за монаха-чернеца.

Что за пародия на Средневековье! А может, и вправду монах? Нет, чушь какая-то... Словно отлитая из чёрного базальта фигура выглядит грозно и мощно, молча наблюдая за связанным Гэвином сквозь зловещие прорези. Того берёт оторопь, заставляя вжаться в спинку взмокшей спиной. Вселенский ужас плотно хватается за горло мерзкими липкими щупальцами.

Выдержав эффектную паузу, палач-«монах» медленно движется к Гэвину. Шагов не слышно, только лёгкий шорох чёрной «ризы» змеиным шипением скользит по стенам.

Палач подходит вплотную, отчего кажется сидящему пленнику огромным, и останавливается на пару-тройку секунд, изучая связанного. Сквозь прорези маски грозно блестят остекленевшие зрачки. Гэвин превращается в соляной столб... Сердце сдавливает стальной обруч, остатки воли парализует страх. В мокрых глазах мечется животный ужас, мычание переходит в надрывный утробный клёкот.

Немая сцена длится недолго. «Чернец» медленно тянет руки к лицу связанного и хочет взять за плечи. Становится заметно, насколько широки свисающие рукава грубой «монашеской рясы».

Остатки мужественности покидают пленника. Гэвин, не готовый к такой фамильярности, отчаянно взвыл, как бык на скотобойне, которого равнодушная рука убийщика толкает под электрический пистолет. Паника овладевает им, сжигает остатки разума. Тело бьётся в истерике, насколько позволяют путы, голова трясётся, как при пляске святого Витта. Стул вертится и отъезжает в сторону от палача.

Ах, если бы так просто можно было рвануть прочь на офисном стуле из страшной пещеры! Жаль, но пленник выигрывает всего несколько мгновений, лишь оттягивая неизбежное. Хрип Гэвина переходит в грудной рык. «Как трудно дышать носом!» Из ноздрей вырывается тонкое шипение, словно рядом свистит закипевший чайник. Жертва отчаянно стучит наручниками о металлическую перекладину спинки стула, пытаясь разорвать оковы. «Бежать, бежать!» Напрасный труд...

Палач готов к такому развитию событий. Ничем не выказав удивления, «чернец» вплотную придвигается к пленнику, точно скользит по льду — плавно и бесшумно. Однако в этот раз «монах» действует иначе.

Короткий боковой удар левым кулаком приходится Гэвину в скулу. Слышен хруст кости. Никаких надежд, никакого снисхождения — если это и спектакль, то кровавый. Удар настолько силен, что связанный заваливается набок вместе со стулом и больно бьётся головой о каменный пол. В висок, сдирая кожу, впиваются острые кирпичные крошки.

Палач больше не церемонится. Чёрная фигура склоняется над упавшим, хватает за плечи и рывком поднимает с пола. Двести семьдесят пять фунтов пока ещё живого веса Гэвина пушинкой взлетают вверх. Пленник тихо скулит. Восстановив положение стула и продолжая удерживать жертву, изверг с размаху бьёт связанного коленом в живот. Затем следует мощный удар правым кулаком в переносицу. Да, таинственный «монах» не намерен шутить... Гэвин обмяк и потерял сознание. Из сломанного носа в два ручья ползёт густая бурая кровь.